
Фред Ульман родился в Штутгарте, столице Вюртемберга, в 1901 году. «Воссоединение», написанное в 1960-м, — не автобиографическая книга, хотя в ней есть элементы автобиографии. Школа, учителя и одноклассники главного героя повести взяты из жизни, списаны с гимназии имени Эберхарда Людвига, старейшей гимназии Вюртемберга, где учился Ульман. «Главный герой, разумеется, это я сам, — говорил он. — Но я никогда не дружил ни с каким Хоэнфельсом. Эта часть полностью вымышленная, и семья Хоэнфельсов — собирательный образ немецкого мальчика-аристократа и его родителей».

Ульман говорил, что именно Вюртемберг разбудил в нем художника и поэта, и что он навсегда остался романтиком. Любовь к родине, любовь к Германии, которую Ульман, молодой доктор права и убежденный антифашист, вынужден был покинуть в 1933-м, ощущается в каждой строчке «Воссоединения». Умер Фред Ульман в 1985-м.

Предисловие к первому изданию

Впервые я прочитал эту книгу лет двадцать назад, по совету кого-то из друзей. Но я помню свои впечатления от первого прочтения, словно это было вчера. Восторг и печаль перемешались во мне с такой силой, что я постоянно то плакал, то улыбался. Иногда слезы так застилали глаза, что строчки сливались, и мне приходилось на время откладывать книжку. Иногда меня с головой накрывало волной невероятного счастья. Словно среди адского пламени вдруг начинали петь ангелы.

Я прочел много книг, но лишь считанные единицы ошеломляли меня с такой силой, как повесть Ульмана. Наверное, только «Корона из перьев» Исаака Башевиса-Зингера, «И восходит солнце» старого доброго Хемингуэя и «Парижский крестьянин» Луи Арагона — совершенно невероятная история, написанная в юношеский период сюрреализма, до того как Арагон обратился к коммунизму. В то время я работал

на телевидении, в программе, где обсуждали книги. Я тут же помчался к редактору и объявил, что нашел настоящий шедевр, написанный художником-немцем, который жил в Англии.

Эта книга имела невероятный успех во Франции. Прежде всего потому, что она обладает неоспоримыми литературными достоинствами, которые невозможно не оценить. И еще потому, как мне кажется, что каждому из читателей (я сужу по себе) хотелось встретиться с автором и крепко-крепко его обнять.

Самое потрясающее в книге Фреда Ульмана, на мой взгляд, — тонкое взаимодействие двух явлений явно неравных масштабов, но равных по силе эмоционального заряда — подростковой дружбы и восхождения нацизма в Германии. Обе темы раскрыты с удивительной деликатностью, а сама история изложена так искренне, просто и ясно, что это авторское достижение поистине граничит с чудом.

«Воссоединение» начинается, как флорберовская «Госпожа Бовари», сразу же погружая читателя в волшебный мир последних дней детства и непростого, тревожного перехода к отрочеству. В класс приходит новый мальчик: «Он вошел в мою жизнь в феврале 1932-го — и остался уже навсегда». Сразу ясно, что это будет история

о судьбе, о детской любви и подростковой дружбе, и сразу мурашки бегут по спине.

Юный Конрадин фон Хоэнфельс очарователен и прекрасен как бог; он становится другом рассказчика, еврейского мальчика Ганса Шварца, сына врача и внука раввина. Мне кажется, тут невозможно не вспомнить о другой дружбе, родившейся в другом месте и при других обстоятельствах, а именно о дружбе Шарля Свана с Германтами у Пруста. Как Сван очарован Германтами, так и юный Ганс Шварц ослеплен аурой благородного величия, окружающей Хоэнфельсов, и его дружба с Конрадином приобретает оттенок романтической страсти, описанной Ульманом с большим тактом. Внук раввина хранит у себя бесценные сокровища: львиный клык, три древнегреческие монеты, зуб слона, осколок римской черепицы с надписью LEG XI; ему не терпится показать их своему новому другу, один из предков которого пытался, хоть и тщетно, спасти Фридриха Барбароссу, когда тот тонул в реке, а другой умер в Салерно на руках Фридриха II Гогенштауфена, получившего прозвище *Stupor Mundi**.

* Чудо Мира (*лат.*).

Это проникновенный рассказ о чистой возвышенной дружбе двух мальчиков, разлученных трагическим ходом истории. Гитлер готовится прийти к власти в Германии, страна Гёте и Гёльдерлина вот-вот будет ввергнута в беспримерную дикость и зверство. Простыми словами, которые несут в себе больше силы и смысла, чем проклятия и гневные обличения, Ульман рассказывает читателю о неизбежном приближении катастрофы, которая потрясет мир. Мать Конрадина фон Хоэнфельса горячо поддержала Гитлера. Родители Ганса Шварца совершили самоубийство. Германия, утратив честь и достоинство, лежит в руинах. Ганс Шварц уцелел, потому что уехал в Америку.

Финал книги, ее последние строки — шедевр из шедевров. Внезапно короткая повесть приобретает черты романа эпического размаха; то, что было *Bildungsroman*^{*}, историей взросления, получает дополнительную драматическую глубину, сохраняя при этом изящество и простоту небольшого рассказа. На последних строках я сломался; я плакал навзрыд. Ну и пусть — все равно это был уже конец.

* Роман воспитания (*нем.*).

Позвольте мне сделать очень краткое личное отступление. В тот период, который описан в повести Фреда Ульмана, мой отец служил дипломатом в Германии. Он ненавидел Гитлера. Он спас многих евреев, таких как Ганс Шварц и его родители. Он также вращался в высоких кругах и был частым гостем в домах, посещаемых Хоэнфельсами, так хорошо изображенными в «Воссоединении». У меня ощущение, что я рос — мне тогда было лет шесть или семь — внутри повести Ульмана, и его персонажи склонялись над моей детской кроваткой в доме на берегу Изара. Читая Ульмана, с замиранием сердца следя за историей Шварца и Хоэнфельса, я думал о папе. И плакал еще сильнее.

Но и радовался тоже. Книга Фреда Ульмана великолепна в том смысле, что в ней показано, как подлость, жестокость и грубость соседствуют в человеке с благородством и чистотой. Повествование погружает читателя в печаль и ужас, но последняя строчка возрождает надежду. И поэтому повесть немецкого еврейского художника, жившего в Англии, встает в один ряд с величайшими произведениями Данте, Шекспира, Мильтона или Паскаля: в каждом есть что-то плохое и что-то хорошее, и среди проклятых всегда находятся праведники, и вот

ФРЕД УЛЬМАН

их-то, в последнюю минуту, Бог выводит
из темноты к свету.

Жан д'Ормессон
1997

1

Он вошел в мою жизнь в феврале 1932-го — и остался уже навсегда. С тех пор миновало больше четверти века, больше девяти тысяч дней — бессмысленных и пустых, пронизанных ощущением бесполезных усилий или работы без всякой надежды, — дней и лет, многие из которых мертвы, как увядшие листья на мертвом дереве.

Я хорошо помню тот день и час, когда впервые увидел этого мальчика, которому суждено было стать источником моего величайшего счастья и моего величайшего горя. Это произошло через два дня после моего шестнадцатого дня рождения, в три часа пополудни, серой, унылой и мрачной немецкой зимой. Я сидел на уроке в гимназии имени Карла Александра, старейшей гимназии Вюртемберга, основанной в 1521-м, в тот самый год, когда Лютер держал речь перед Карлом V, королем Испании и императором Священной Римской империи.

Я помню все до мельчайших подробностей: классную комнату с массивными партами и скамьями, чуть кисловатый, отдающий плесенью запах сорока влажных зимних шинелей, лужицы талого снега, коричневато-желтые пятна на серых стенах, где раньше, до революции, висели портреты кайзера Вильгельма* и короля Вюртемберга. Я закрываю глаза и как будто воочию вижу спины своих однокашников, многие из которых позднее погибли в русских степях или в песках под Эль-Аламейном**. Я по-прежнему слышу усталый, разочарованный голос герра Циммермана, приговоренного к пожизненному учительству и принявшего свою судьбу с печальным смирением. Это был человек с желтовато-землистым лицом, с щедро тронутыми сединой волосами, усами и остроконечной бородкой. Он смотрел на мир сквозь пенсне на кончике носа с выражением голодной дворняги в поисках пропитания. Вряд ли ему было больше пятидесяти, но нам он казался восьмидесятилетним старцем. Мы его презирали, потому что он был добрым и мягким, и еще потому, что от него пахло бедностью. В его двухкомнатной квартирке, наверное, не было

* Вильгельм II (1859–1942) — последний император Германии.

** Имеется в виду битва при Эль-Аламейне (город на севере Египта) осенью 1942 года во время Второй мировой войны.

ванной, и он всегда ходил в одном и том же костюме, потертом, лоснящемся, латанном-перелатанном зеленоватом костюме, который носил всю осень и всю долгую зиму (у него был еще один костюм, на весну и лето). Мы держались с ним неуважительно, а иногда и жестоко, как это свойственно молодым и здоровым мальчишкам по отношению к слабым, старым и беззащитным.

Уже смеркалось, хотя было еще не настолько темно, чтобы зажигать свет, и за окном ясно виднелась гарнизонная церковь, уродливое сооружение конца XIX века, но сейчас даже красивое: из-за снега, что покрывал две его башни, пронзавшие тускло-свинцовое небо. Красивыми были и белые заснеженные холмы, окружавшие мой родной город, а там, за холмами, мир как будто кончался, и начиналась великая тайна. Я сидел полусонный, что-то чертил в тетрадке, о чем-то грезил, периодически вырывал у себя из головы волосок, чтобы не заснуть прямо за партой, и тут раздался стук в дверь. Прежде чем герр Циммерман успел крикнуть «Herein^{*}», дверь распахнулась и в класс вошел наш директор, профессор Клетт. Но на директора никто не смотрел, все взгляды были прикованы к незнакомцу,

* Войдите (нем.).

вошедшему следом за ним, словно Федр за Сократом.

Мы все уставились на него, словно увидели привидение. Что меня поразило больше всего — и, наверное, не меня одного, но и всех остальных, — не его уверенная манера себя держать, не исходившая от него аура аристократизма, не его тонкая, неуловимо надменная улыбка, а его элегантный наряд. Мы все одевались, прямо скажем, тоскливо. Наши матери полагали, что для школы сойдется любая одежда, главное, чтобы она была прочной и немаркой. Тогда мы еще не особенно интересовались девчонками, и поэтому не возражали, чтобы нас одевали в страшненькие, но практичные, ноские бриджи и пиджаки, купленные в надежде, что они не износятся раньше, чем мы из них вырастем.

Но этот мальчик был одет совсем иначе. Он носил настоящие длинные брюки, прекрасно скроенные и явно пошитые на заказ, а не купленные в магазине готового платья. Его костюм смотрелся дорого: светло-серый, в «елочку» и почти наверняка «гарантированно английский». Голубая рубашка, синий галстук в мелкий белый горошек; по сравнению с ним наши галстуки казались грязными и засаленными удавками. И хотя мы все презирали чистюль и модников,

считая их маменькиными сынками, мы все равно не могли удержаться от зависти, глядя на этот образчик достоинства и элегантности.

Профессор Клетт подошел к герру Циммерману, что-то шепнул ему на ухо и исчез, не замеченный нами, потому что все взгляды были прикованы к новичку. Он стоял неподвижно, совершенно спокойно, не проявляя ни робости, ни волнения. Он почему-то казался старше, взрослее всех нас, и было трудно поверить, что это просто еще один новенький мальчик, который будет учиться с нами. Мы бы не удивились, если бы он исчез так же загадочно и безмолвно, как появился.

Герр Циммерман поправил пенсне на носу, устало оглядел классную комнату, увидел свободное место прямо передо мной, спустился со своего возвышения и — к изумлению всего класса — проводил новичка до парты. Потом слегка наклонил голову, словно хотел поклониться, но все-таки не осмелился, и медленно пошел обратно, пятясь спиной вперед и лицом к незнакомцу. Вновь усевшись за учительский стол, он обратился к новичку:

— Назовите, пожалуйста, вашу фамилию, имя, данное при крещении, дату и место рождения.

Новичок встал из-за парты.

— Граф фон Хоэнфельс, Конрадин, — объявил он. — Родился девятнадцатого января тысяча девятьсот шестнадцатого года, в Хоэнфельсе, в Вюртемберге.

И сел на место.